

TETYANA KOSMEDA

**Ревизия классики украинской зарубежной лингвистики:
гендерная проблематика
в системе взглядов Юрия Шевелева
(на материале статьи *Über die Besonderheiten
der Sprache der Frauen*)**

**Reconsidering classical studies of Ukrainian foreign linguistics:
gender issues in Yuri Shevelev's edifice
(based on the article *Über die Besonderheiten
der Sprache der Frauen*)**

Abstract. It is typical of the modern linguistic study to reconsider the classical heritage, which makes it possible to observe the dynamics of linguistic processes and the movement vector of scientific thought, as well as to track the problems that still need to be solved nowadays. Such problems include linguistic genderology issues, in particular the description of female speech. In this regard, the little-known German-language research of Yuri Sherekh (Shevelev) *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen* (1952), which outlines the specificity of female speech at almost all language levels, appears to be of great value. This piece of research remains relevant since it makes it possible to compare the female speech features from different historical periods as well as to rethink the data on the manifestation of conservatism, archaism, negative attitude towards assimilation processes, etc. in female speech, to see the dynamics of the female linguistic worldview and the development of femininity. It seems reasonable enough to state that Shevelev laid the foundation for: 1) a comparative study of gender issues based on the Slavic languages; 2) historical and dialectal gender linguistics of the Ukrainian language; 3) national Ukrainian linguistic genderology, manifested at the level of national linguistic consciousness; 4) the study of gender opposing linguistic worldviews; 5) considering the level manifestation of gender characteristics in linguistic systems.

Keywords: linguistic genderology, female speech, language levels, gender worldview, femininity

Tetyana Kosmeda, Vasyl' Stus Donetsk National University, Donetsk – Ukraine, tkosmeda@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8912-2888>

Современная полипарадигмальная лингвистика включает и проблематику лингвогендерологии, которая привлекает особое внимание исследователей с конца XX века. В начале XXI века гендерные исследования заметно акти-

визировались, в частности в Украине. Среди украинских лингвистов-гендерологов выделим Аллу Архангельскую, Наталию Бардину, Людмилу Васильеву, Елену Горошко, Елену Побережную, Людмилу Салионович, Оксану Синчак, Елену Семиколонову, Лесю Ставицкую, Татьяну Сукаленко, Галину Яворскую, Александра Холода. И этими именами список не исчерпывается.

Однако истоки теории лингвогендерологии прослеживаем в украинском языкознании еще в XIX веке, что отражено в наследии гения украинской нации, известного философа и писателя Ивана Франко (Kosmeda 2006; Salionovič), а в середине XX века – в трудах советского украинского лингвиста Леонида Булаховского (Bulahovs'kij; Kosmeda 2014) и его ученика Юрия Шевелева, известного под псевдонимом Юрий Шерех (Šerech 1952), продолжающего развивать харьковскую лингвистическую школу Александра Потєбни.

Цель этого исследования – представить ревизию основных постулатов теории гендерной лингвистики, отраженной в системе взглядов Шевелева и сжато описанной им в малоизвестной немецкоязычной статье *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen* (Об особенностях языка женщин), опубликованной в 1952 году в журнале „Orbis” (Šerech).

Юрий Шевелев принадлежит к классикам украинского зарубежного языкознания. В последние годы его труды привлекают все больше внимания: осуществляется их тщательная ревизия и популяризация (см. подробнее Karunik). Названный исследователь, в частности, подчеркивал, что гендерная проблематика в 50-е годы XX века практически не разрабатывалась ни в украинском, ни в белорусском языкознании, однако, вслед за своим учителем Булаховским, он считал, что диалекты украинского и белорусского языков своеобразно отражают специфику женской речи, что исследователь и осветил в анализируемой статье.

Данная мысль в научных лингвистических работах того времени практически не была отражена, а если и высказывалась, то лишь фрагментарно, поскольку диалектологию восточнославянских языков исследовали при помощи историко-сравнительного метода исключительно под углом зрения проблематики истории языка. Шевелев попытался объяснить, почему отсутствовали работы, посвященные анализу диалектов украинского и белорусского языков в гендерном аспекте. Лингвист был убежден, что прежде всего „украинские и белорусские ученые в процессе исследования диалектов исходили из необходимости защищать право своих языков на статус самостоятельных” (Šerech 74), однако некоторые советские языковеды в трудах, касающихся украинского и белорусского языков, делали попытку доказать противоположное, т. е. отрицали самостоятельность украинского и белорусского языков, входящих в систему восточнославянской языковой группы. Такая точка зрения имеет место даже в начале XXI века. Напри-

мер, в учебнике *Введение в языковедение* авторства Александра Камчатнова и Наталии Николиной, более десяти раз переиздававшегося в XXI веке, высказывается точка зрения, отрицающая существование украинского и белорусского языков как самостоятельных. По мнению вышеназванных ученых, к восточнославянской языковой группе относится исключительно русский язык с четырьмя наречиями: *великорусским* (основные диалекты: северно-великорусский, южновеликорусский, западновеликорусский), *белорусским* (основные диалекты: северо-восточный, юго-западный, полесский), *червонорусским* (основные диалекты: галицкий, карпатский, буковинский) и *малорусским* (основные диалекты: среднеднепровский, слобожанский и степной) (см. Kamchatnov, Nikolina 185–195). Самостоятельность украинского и белорусского языков не подлежит сомнению и сегодня уже не требует доказательств, а отрицание их самостоятельного статуса связано с пропагандой „русского мира” (см. Kosmeda 2020).

Обладая большой лингвистической эрудицией, глубокими знаниями и высокой компетенцией, Шевелев входил в когорту наиболее авторитетных славистов XX века, что не изменилось и сегодня. Он занимался проблематикой гендерной лингвистики, которая только начинала входить в моду. Изучив научные разыскания, касающиеся проблем гендерной лингвистики украинских и белорусских лингвистов, опираясь на собственные наблюдения и исследования, ученый пытается выделить некоторые черты речи женщин. Языковед анализирует работы своих современников по диалектологии и делает профессиональные обобщения и предположения.

Во-первых, по мнению Шевелева, в исследованиях по диалектологии ученые едины в утверждении, что **диалектная речь женщин более консервативна, архаична, нежели речь мужчин**. При этом лингвист актуализирует утверждение Бориса Ясимирского, исследовавшего речь необразованных женщин, в частности тех, „сознания которых «не коснулась» цивилизация”, преимущественно неграмотных, не владеющих письменностью. Факт наличия в то время малограмотных женщин объяснялся их низким социальным статусом. Совершенно справедливо утверждалось, что необразованные женщины больше „привязаны” к своему дому. Это, естественно, преимущественно сельские жительницы. Они не путешествовали, не эмигрировали в чужие страны для поиска работы, на них никак не влияла городская культура, они не были военнообязанными, как молодые мужчины, и не находились на военной службе, меньше подвергались идеологическому влиянию. В частности, этим Шевелев и объясняет факт меньшей подверженности русификации речи женщин сравнительно с речью мужчин, что прослеживалось в советское время на территории Украины и Белоруси, входящих в состав Советского Союза.

Обращаясь к работам Петра Гладкого, изучавшего диалектную речь жителей села Блиставица и, собственно, заметившего, что мужская речь отличается от женской именно тем, что в ней более заметны следы русского языка, что прослеживалось не только в диалектной речи, но и в речи литературной, Шевелев выделяет **второй важный гендерный признак** языкового сознания женщин, основанный на первом, – **они меньше подвергаются ассимиляции, в частности русификации.**

В силу определенных социальных причин, т. е. тех функций, которые мужчины выполняли в обществе в отличие от женщин, мужская речь больше подвергалась влиянию чужих языков. Шевелев обращается к мнению других исследователей, подтверждая свою догадку. В частности, ученый цитирует фрагменты трудов известной украинской исследовательницы того времени Елены Курило, также отмечавшей, что мужская речь белорусской деревни Хоробрицы, исследуемая ею, отличается от женской речи значительно большим влиянием на нее русского языка.

Шевелев считает, что разыскания ученых сосредотачивались прежде всего на фонетических признаках разговорной речи, особенностях произношения, в частности, при рассмотрении степени использования **аканья** было замечено, что оно больше распространено в направлении от центра Беларуси на ее юг. Лингвисты утверждали, что, например, в селе Лукоеды **аканье** почти не прослеживалось, хотя в речи местных мужчин это явление имело место. Очевидно, названный факт – следствие русификации, последовательно проявляющейся в речи мужчин как наиболее активных граждан советского общества.

Исследуя особенности диалектной речи вблизи села Стародуб, ученые также заметили, что **речь женщин более архаична и более консервативна** относительно влияния на нее русского языка, а в речи молодых мужчин прослеживается наличие большого количества признаков, свидетельствующих о русскоязычной ассимиляции. В то время считалось, что говорить по-русски модно, а владение украинским и белорусским языками – свойство отсталых и необразованных людей, поскольку эти языки лишь наречия русского языка; они отличаются грубостью, несовершенством и не могут обслуживать все сферы человеческой деятельности. Обратим внимание, что и сегодня прослеживаем отголоски таких утверждений (см. Kosmeda 2021).

Осуществляя свои наблюдения в динамике, Шевелев заметил, что речь украинскоязычных женщин по мере повышения уровня их образованности и общественной активности также начинает изменяться и перестает отличаться своей архаичностью. Она начинает обновляться и также поддается ассимиляционным процессам со стороны русского языка, что было обусловлено, естественно, социальными факторами: женщины в Украинской

Советской Социалистической Республике чаще начинали выполнять мужскую работу, среди них появились военнослужащие, они переселялись в большие города и приобщались к массовой культуре советского общества и под. (Šerech 75). Сегодня границы между социальным статусом мужчин и женщин все больше стираются, наблюдается феминизация украинского и белорусского общества, что проявляется в большом количестве феминных инноваций, как и споров о целесообразности, необходимости их появления (см. Arhangel's'ka 2021).

Шевелев обратился к записям по исследованию **диалектной речи людей со статусом остарбайтеров** (1942–1943, г. Берлин) Галины Наконечной. Его заинтересовал вывод названной исследовательницы о том, что в отличие от мужчин-остарбайтеров, женщины в той же ситуации использовали свой родной диалект (язык) чаще, более последовательно, и женская речь была в этом отношении более правильной. Было замечено, что юноши демонстрировали новый „украинско-русский жаргон”. Предполагаем, что в данном случае лингвист имел в виду **суржик как факт бессистемного смешивания элементов украинского и русского языков** (в Беларуси это **трасянка**). Сегодня слово *суржик* употребляется и в более широком смысле – **в качестве названия деградированного духовного мира человека**, его оторванности от всего родного, близкого, носящего характер национального; как **номинация национально-языкового сознания**, представляющего смесь остатков своего (национального), которое нейтрализуется, с чужим, навязанным. Однако Шевелев убежден, что женщины противились этому процессу дольше, чем мужчины. Это, по его мнению, связано, в частности, с их ориентацией на сохранение всего национального, исконного, этнического и прежде всего фольклора: женщины часто использовали украинские паремии, пели старинные народные песни, используя родную украинскую речь, соответствующие ее диалекты.

Шевелев осознавал, что приведенные аргументы, его замечания, как и доводы других ученых, основываются на единичных фактах, возможно, на субъективных впечатлениях, поэтому требуют проверки и подтверждения другими конкретными аргументами. Исследователь осуществляет попытку более детально рассмотреть высказанную гипотезу, а также выделить другие черты женской речи, обращаясь к анализу соответствующей лингвистической литературы по диалектологии, опираясь на фонетические явления, отраженные в произношении. Он пишет, что в очерках по исследованию южно-украинских диалектов найдены замечания относительно **медленного темпа женской речи, ее особой протяжности**. Это **третий** выделенный ученым **признак**.

В процессе анализа речи жителей села Морочно Пинского округа языковеды также заметили, что женщины здесь говорят медленнее, нежели

мужчины, о чем имеются конкретные свидетельства; они склонны удлинять ударные гласные, однако во время ссор, в эмоциональном состоянии, их речь несколько ускоряется, и названный признак нейтрализуется. Был сделан однозначный вывод о том, что не обращать внимания на такие факты нельзя, и они все-таки не единичны, а демонстрируют определенную тенденцию. Хотя, если этот признак и имел место в нашем историческом прошлом, то сегодня он уже не актуален, так как и женщины, и мужчины могут демонстрировать быстрый темп речи. Как считают современные ученые, этот признак, скорее, указывает на определенный психотип языковой личности (экстравертность, интровертность либо амбивертность) (см. Kosmeda 2019).

Путем систематических наблюдений, как видим, было обнаружено, что речь женщин более сдержанна, при этом она плавная, несколько замедленная и более выразительная, нежели речь мужчин. **Женщины говорят протяжно, припевая.** А подобная речевая разговорная манера позволяет удлинять ударные гласные и более четко их произносить, без редукции. Шевелев пришел к выводу, что в этом случае речь идет не о чем ином, как о том, что „женщины лучше, нежели мужчины сохранили архаичное полифонное произношение” (Šerech 76). Очевидно, это следствие их большего консерватизма, приверженности к архаичности, склонности к актуализации украинского нормативного произношения.

В процессе анализа названного явления в речи белорусов также найдены доказательства замедленного темпа речи женщин, что объясняется передвижением ударения в словах, произнесенных „алLEGRO” (‘в быстром темпе’), например, бел. *туді-сјуді* вместо *туді́-сјуді́*. Это мотивирует закрепленную за женщинами характеристику – бел. *лeпeтyxa*, рус. и укр. *лопотуха* (‘быстроговорящая женщина’).

В смешанных и переходных диалектах, а также в случае русско-украинского двуязычия, консерватизм женской речи прослеживается также последовательно и выразительно. В диалектной речи жителей села Урив (округ Коротояк Воронежской губернии) были обнаружены следы большого влияния русского языка на манеру произношения мужчин-украинцев. В произносительной манере женщин встречались как украинские формы на *-i*, так и русские на *-o* (например, *рідний* – *родной*), а в речи мужчин доминировали исключительно русские формы на *-o*.

Как и Булаховский, Шевелев был убежден, что женская речь имеет решающее влияние на формирование и развитие детской речи. Кроме этого, был зафиксирован такой факт: девушки-украинки, родным языком которых являлся украинский, избегали замужества с русскими. А русские девушки, родным языком которых был русский, охотно выходили замуж за мужчин-украинцев и, как следствие, определенно влияли на речь своих мужей, асси-

милируя ее, внося языковые элементы русского языка в местные диалекты. Такое влияние способствовало тому, что с течением времени мужчины начинали говорить исключительно по-русски. Был зафиксирован также факт, что дети русскоязычных матерей даже в украинской деревне, то есть в украинскоязычном окружении, говорили только по-русски, и, наоборот, дети украинскоязычных женщин в русском селе общались преимущественно на украинском языке. Этот факт подтверждает современный украинский языковед Богдан Ажнюк, изучающий речь современных украинских эмигрантов (см. Ажнюк). Шевелев делает теоретическое предположение, что дети усваивают речь (какой бы она ни была) матери, а признаки этой воспринятой речи, отложенной в их языковом сознании, могут несколько нейтрализоваться уже позже речевым влиянием, доминирующим в той или иной деревне. Именно так, по нашему мнению, и возник суржик.

Некоторые ученые, в частности Григорий Винокур и Степан Самийлович, считали, что женщины склонны к тому, чтобы вводить в свою речь новообразования, особенно связанные с изменением орфоэпических норм. Шевелев, с одной стороны, не соглашается с такой точкой зрения из-за отсутствия убедительных относительно названного предположения фактов. Однако исследователь некоторым образом противоречит сам себе и все-таки пытается описать „модное произношение”, „законодательницами” которого считали женщин.

Он соглашается с мнением Иосифа Рудницкого, заметившего, что во Львове середины прошлого века модным среди образованных людей считалось киевское произношение. И его демонстрировали именно женщины, стремясь избегать, например, палатализации [ц] и [с], отдавая предпочтение твердым звукам. Это наблюдение касалось речи образованных слоев населения, хотя подобные речевые проявления, как считает Шевелев, возможны и в среде малообразованных людей.

До сих пор бытует распространенное мнение, что для распознавания национальности (русской или украинской), а точнее, для определения людей, родным языком которых является исключительно русский язык, необходимо предложить им произнести украинское слово-этнографизм *пальяниця* (рус. *каравай*): носители русского языка не могут выговорить мягкий звук [ц], ибо артикуляционный аппарат не настроен на его произношение (см. Moskvín)¹.

¹ Во время русско-украинской войны, начавшейся вероломным нападением РФ на Украину 24 февраля 2022 года, именно с первых дней войны это слово стало маркером определения врага, т. е. российского солдата. Лексема получила номинацию „слова-ловушки”. Дикторы украинского телевидения отмечают: „Мы не знаем, что не так с ротовым аппаратом москалей, но знаем точно – им никак не поддается слово *пальяниця*. Поэтому и неудивительно, что ни один оккупант не может его правильно произнести ни с первого, ни со второго раза.

Шевелев констатирует, что русская речь женщин, выражающаяся в своеобразном произношении мягких звуков, получила абсолютно „женское” название „сладенький язык”.

Исследователь ставит перед собой вопрос: **как можно соединить, с одной стороны, факт консервативности женской речи, ее архаизм, противостояние любой ассимиляции, а с другой – стремление говорить модно, т. е. по-новому.** По его мнению, ответ на этот вопрос содержится **в теории смешанных диалектов**, основанной на осознанном и неосознанном усвоении чужого. В этом случае прослеживаем **активность архетипической дихотомии „свой – чужой”**. Поэтому считаем, что в первом случае женщины выступают консерваторами, а во втором – становятся новаторами, что объясняется актуализацией социальных факторов, необходимостью принятия заимствований. Такое противоречие ученый считает тенденцией. Время показало, что исследователь не ошибся.

Шевелев размышляет и о некоторых орфоэпических признаках украинской женской речи, которые, как он признается, ему было трудно окончательно осознать и объяснить. Речь идет о склонности женщин, проживающих в разных регионах, в том числе и на не пересекающихся между собой территориях, **произносить вместо велярного (твердого) [л]², характерного для мужской речи, [л'] как альвеолярный звук, смягченный перед [i]³**. Языковед считает, что архаичные нормы произношения в женской речи сохраняются более длительный период, нежели в мужском варианте произношения. Ученый ставит перед собой и своими читателями такие вопросы: почему этот признак проявляется именно в речи женщин; может, это „осколки” старого произношения, либо инновация, дань моде; может, это некое „украшение” женской речи, воплощение женской мягкости, сознательно противопоставляемой речевым характеристикам мужчин? А может, это проявление женской грации?

Таким образом, особенности женского произношения, фонетической специфики их речи всесторонне и последовательно объяснить сложно. Ответ на этот вопрос и сегодня остается загадкой.

Шевелев также констатирует, что „лексические и фразеологические особенности украинско- и белорусскоязычных женщин в то время вообще не исследовались” (Šerech 79). Ученый совершенно логично предполагает, что

Такой «речевой практикum» безошибочно позволяет уличить врага» (запись устной речи, 26 февраля 2022 года – украинское телевидение).

² Твердый [л] (произносится, например, в слове рус. *лошадь*) – это, по мнению языковедов, один из характерных звуков русского языка, отличающий его от многих других языков.

³ *І* – звуко-буква украинского языка, заимствованная из кириллицы, отсутствующая в современном русском языке, как отсутствует и звук, обозначенный этой буквой.

лексикон речи женщин содержит слова, непосредственно связанные с домашним хозяйством, такими ремеслами, как ткачество, вышивка, а в мужском лексиконе, соответственно, преобладают слова, мотивированные мужской деятельностью. Однако ученый считает, что его предположение еще нужно доказать. Никаких исследований в очерченном выше направлении в то время не существовало. А сегодня эта мысль нашла подтверждение, и лингвисты выделяют **мужской и женский лексикон (гендерлект), мужскую и женскую языковые картины мира** (см. Goroško; Maslova).

Еще одно отличие женской речи от мужской, отмеченное Шевелевым, состоит в том, что **женщины не склонны употреблять бранные слова**, в том числе и мат, **и выражения, лексемы с резко негативной оценкой, агрессивные выражения.** Лингвист убежден, что брань с компонентом *мать* появилась в украинской речи под влиянием русской лингвокультуры. Бранную лексику, сквернословие употребляют, как известно, в ситуациях, вызванных сильным всплеском эмоций, чувств, хотя и в женской речи имеется определенный „репертуар” ругательной лексики, но она не настолько агрессивна и резка. Хотя современные женщины могут и материться: происходит стирание гендерных граней в этом отношении, что подтверждают современные художественные тексты. С другой стороны, ласкательные выражения, „мягкие” эпитеты характерны именно для женской речи, а мужчины их употребляют исключительно в интимных ситуациях, в частности, касающихся общения с любимыми женщинами либо детьми⁴.

Шевелев неоднократно подчеркивал, что дети усваивают речь матери, а не отца, подражают именно ей, копируют ее, т. е. детская речь – это женская речь, реализуемая в общении с детьми. Некоторые доказательства этой мысли находятся в диалектологических и этнографических материалах, однако, по мнению лингвиста, они еще достаточно не систематизированы. На сегодня этот вопрос также остается открытым.

⁴ Интересным в данном контексте, как представляется, является такой факт: в июне 2019 года (во время подготовки к очередным выборам в парламент) депутат Верховного Совета Украины Ольга Богомолец предложила принять *Закон о запрете сквернословия*, то есть закон о „дематюкизации”, что вызвало в современном украинском обществе бурное обсуждение. Большинство утверждало, что такой закон неактуален и неэффективен. Он и не был принят. Однако бранную (матерную) лексику могут активно употреблять и современные украинские женщины, даже изысканные языковые личности, что наблюдается в период начала русско-украинской войны (февраль 2022 г.). Видимо, агрессивная среда, стрессовое психологическое состояние, мотивированное неординарными ситуациями, моделируют агрессивную речь, требуют словесной разрядки, чему, по всей вероятности, способствует матерная лексика. И такой разрядки требуют не только мужчины.

Приводя свои размышления относительно особенностей проявления женской и мужской речи, ученый обратился к деятельности украинских писателей и обнаружил, что еще в 1827 году популярный украинский поэт Петр Гулак-Артемовский опубликовал свою балладу укр. *Рибалка* (рус. *Рыбак*) и изложил свои замечания о гендерной речевой специфике украинцев в российском журнале „Вестник Европы”, проинформировав о своем речевом эксперименте. Писатель рассказал, что ему было интересно узнать, может ли украинский (в терминологии писателя малорусский) язык передать нежные, благородные и изысканные чувства, чтобы не рассмешить читателя или слушателя, как это имеет место в поэме укр. *Енеїда* (рус. *Энеида*) Ивана Котляревского и других произведениях, созданных с подобной целью. Ссылаясь на самые нежные и самые чувственные малорусские народные песни, он представляет свою балладу лишь как некую пробу пера, совсем якобы не рассчитывая на успех. Поэт отмечает, что в поэме укр. *Твардовський* (рус. *Твардовский*) он использует мужскую (гайдамацкую) тональность речи, а в *Рибалці* – речь малорусских женщин с ее специфической тональностью. Поэт пишет, что на практике женская манера речи, с одной стороны, ограничивается исключением вулгаризмов, бранных и грубых выражений, а с другой стороны, в ней много деминутивных форм и образных поэтических средств, распространенных преимущественно в украинских любовных фольклорных песнях (Šerech 1952: 80). Очевидно, необходимо рассмотреть эти особенности в диахронии и синхронии, что позволит увидеть украинскую речь в динамике с учетом гендерных особенностей. Однако, как представляется, сегодня деминутивная лексика характерна не только для женской речи, но и для мужской, что отражено в художественном дискурсе.

Шевелев также отмечает, что осознанное „внедрение” Гулаком-Артемовским и другими писателями „женской манеры” речи в художественный текст, литературный язык позволяет ему подойти к последнему важному вопросу, отраженному в анализируемой нами статье: **каким является влияние женской речи на литературный язык?** Этот вопрос был малоизучен и остается таким сегодня. Языковед допускает, что подобное влияние не было конструктивным: оно играло скорее консервативную роль.

Анализ некоторых фактов употребления лексических и фразеологических единиц дает возможность утверждать, о чем уже шла речь, что их использование мотивировано спецификой вербализации женского мышления. К таким фактам ученый относит и активное употребление женщинами эвфемистических выражений, что связано со спецификой женского языкового сознания, особым устройством их психики, выражаемой в сфере, касающейся таких глобальных, важных для повседневной жизни человека концептов, как *любовь*, *смерть* и т. д. Например, для женской речи украинок характерны такие

идиомы: укр. *прясти очима* – рус. *стрелять глазами*; укр. *на тонку пряде – на беду, несчастье* (рус. дословно: *прядет тонкую нить*). Данные примеры иллюстрируют непосредственную связь женской речи со сферой ее профессиональной деятельности, родом занятий, а также стремлением женщины как хранительницы домашнего очага к бесконфликтной коммуникации, собственно, здесь прослеживаем актуализацию не прямой коммуникации, свойственной изысканным языковым личностям. „Женские” перифразы чаще касаются обычаев, ритуалов, особенно свадебных, например: укр. *квітку пришити комусь* (рус. дословно: *цветок пришить кому-нибудь*) – ‘кого-то высмеять (например, девушка парня)’, укр. *квітка* (рус. *цветок*) – ‘цветная ленточка, пришиваемая жениху к рубашке во время свадьбы’. Для большей убедительности Шевелев приводит и другие характерные примеры „женских” перифраз-эвфемизмов, ср.: укр. *стеряти дитину* (рус. дословно: *потерять ребенка*) – ‘сделать аборт’ или укр. *глек розбити з ким-небудь* (рус. дословно: *кувшин разбить с кем-нибудь*) – ‘разойтись, поссориться’. Однако исследователь считает, что исключительно „женских” идиом в языке не так много, хотя современные разыскания в этой области показывают, что существует паремийная женская картина мира, противопоставляемая мужской паремийной картине мира. И примеры в этих случаях не единичны (см. подробнее Holod 2008b).

О влиянии женской речи на развитие морфологии, по мнению Шевелева, вообще нет смысла и рассуждать, поскольку такие явления практически неизвестны. Хотя ученый все-таки прослеживает несколько фактов. Он их выделяет, проектируя на особенности изменения морфологических норм украинского языка: а) если при наличии параллельных форм грамматического рода в процессе развития языка сохраняется только одна форма, то это всегда форма женского рода; б) в дательном, творительном и предложном падежах все имена существительные имеют окончания *-ам, -ами, -ах* с флексией в именительном падеже *-а*: все они женского рода; в) основы имен существительных на *-і* сохранили свое склонение только в женском роде; г) в именительном падеже множественного числа имени прилагательного укр. *синій* имеет место только форма бывшего именительного (винительного) падежа множественного числа женского рода.

Приведенные Шевелевым факты, как представляется, свидетельствуют **о процессе феминизации украинского языка**. Однако об этом Шевелев еще не писал. А сегодня эта проблема также остается актуальной, достаточно неисследованной.

О том, что процесс феминизации начался в украинском обществе уже в XIX веке и постепенно грамматикализировался в категориях языка, писал еще один представитель харьковской лингвистической школы, также ученик Александра Потемни Дмитрий Овсяннико-Куликовский, хотя феминизацию

он и считал отрицательным явлением, происходящем как в обществе, так и в языке (см. Ovsániko-Kulikovskij 43).

Используя в своей статье сравнительно-сопоставительный метод, Шевелев проследил, что в русском языке женский род в отличие от языка украинского „побеждает” реже, и в белорусском языке стойкость бывших имен существительных женского рода также широко не представлена.

Таким образом, процесс грамматикализации феминности, по мнению исследователя, наиболее ярко представлен именно в украинском языке. Однако этот тезис, как представляется, необходимо проверить, основываясь на большом фактическом материале. Хотя в современных научных разысканиях по гендерной лингвистике ученые и подтверждают факт большей феминизации украинского языка по сравнению с языком русским. Это явление последовательно проявляется на словообразовательном и лексико-семантическом языковых уровнях, поскольку в украинском языке в последние годы заметно увеличивается число слов, характеризующих женщину по какому-либо признаку (см. Arhangel's'ka 2011). Если раньше в украинском языке в ряде случаев отсутствовали соотносительные формы мужского и женского родов, то теперь они образуются, что не прослеживается в такой степени в русском языке. Хотя определенная тенденция к их увеличению также прослеживается, ср. новообразования украинского языка: *агентка, прем'єрка, політикеса, директриса, борчиня, шефиня, членкиня, фотографеса* и т. д.

Шевелев поставил перед собой еще один вопрос: **можно ли все приведенные им факты изменений в грамматике связывать с влиянием женской речи?** И сам ответил, что аргументы, которые он приводит, весьма сомнительны, а актуализированные постулаты, очевидно, все-таки гипотетичны.

Важно также, что ученого интересовала специфика проявления гендерных черт в разных славянских языках. Используя сравнительно-сопоставительный исследовательский метод, он, например, выяснил, что „женские” имена существительные украинского языка с окончанием *-а* не имеют того оскорбительного, уничижительного пейоративного значения, которое прослеживается в аналогичных словах русского языка. Ученый приводит такие примеры из украинского и русского языков: *мимра/мымра, пустомеля/пустомеля, сквалига/сквалыга*. Однако и это предположение требует доказательства с использованием экспериментальной методики, что связано также с теорией лингвоаксиологии. Точного механизма измерения степени проявления экспрессии, оценочной семантики и других прагматических компонентов слова (текста) на сегодня не существует, хотя попытки актуализации „шкалы оценки” в современном языкознании и предпринимались (см. Kosmeda 2000).

Выводы

Таким образом, Юрий Шевелев показал специфику женской речи, противопоставляя ее речи мужской, практически на всех языковых уровнях, начиная от фонетического, о чем оставил больше всего наблюдений, характеризуя признаки женского произношения (напомним, что это более медленный темп речи, его протяжность, большая стабильность относительно ассимилятивных процессов, в частности процесса русификации, большая архаичность, но вместе с тем и стремление говорить модно, в ногу со временем). Очевидно, речь идет о более устойчивом национально-языковом сознании женщин.

В меньшей степени его размышления касаются проявления гендерных языковых особенностей на словообразовательном, лексико-семантическом и фразеологическом уровнях: речь идет о формировании женского и мужского лексиконов (гендерлектов), которые: а) связаны с родом деятельности мужчин и женщин, их профессией и т. д.; б) основаны на проявлении чувственной сферы: женщины более эмоциональны, поэтому и активнее употребляют ласкательную лексику, уменьшительные словесные формы; в) в женской речи меньше грубых бранных слов, пейоративной лексики; они активно вводят в свою речь эвфемизмы, смягчающие перифразы, а это значит, что женщины склонны к моделированию не прямой коммуникации, служащей нейтрализации конфликта, отражающей максимы вежливости; можно также констатировать факт наличия исключительно „женских” идиом, т. е. идиом, основанных на феминном взгляде на жизнь, женском видении, понимании и восприятии мира, хотя об этом Шевелев и говорит очень осторожно, но современные ученые данный факт подтверждают.

Менее всего проявление гендерных признаков исследователь отследил на уровне морфологии. Лингвист размышляет лишь о некоторых тенденциях проявления категории рода, что все-таки свидетельствует о возможности актуализации гендерных особенностей и на грамматическом уровне. Наблюдений, касающихся обнаружения гендерной специфики на синтаксическом уровне, языковед не приводит, хотя, естественно, они имеют место (см. Nolod 2008a; Salionović).

Как видим, исследования Шевелева в парадигме гендерной лингвистики были для его времени новаторскими. Они остаются актуальными и сегодня, поскольку дают возможность сопоставить некоторые факты особенностей женского произношения, а также данные относительно проявления в женской речи консервативности, архаичности, отрицательного отношения к ассимиляционным процессам и под. Тем не менее, все перечисленное требует дополнительной доказательной базы и пересмотра с точки зрения современной науки.

Можно утверждать, что Шевелев положил начало: 1) сравнительно-сопоставительному исследованию гендерной проблематики на материале славянских языков; 2) исторической и диалектной гендерлингвистике украинского языка; 3) национальной украинской лингвогендерологии, проявляющейся на уровне национального языкового сознания; 4) изучению гендерно противоположных языковых картин мира, в частности паремийных; 5) изысканиям уровневого проявления гендерных признаков в языковых системах.

Без сомнения, требуют продолжения исследования, касающиеся специфики гендерных особенностей, актуализирующихся на всех языковых уровнях, в том числе и словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. И хотя в современной языковой гендерологии и имеются исследования о женских и мужских коммуникативных стратегиях и тактиках, некоторые из которых тонко очерчены и в статье Шевелева, эта проблематика также еще окончательно не описана.

Статья Юрия Шевелева *Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen*, как представляется, вошла в золотой фонд научных разысканий по лингвогендерологии и продолжает стимулировать исследования в сфере гендерной лингвистики.

Библиография

- Arhangel's'ka, Alla. *Femina Cognita. Ukraïns'ka žinka u slovi i slovníku*. Kiïv, Vydavnyčij dim Dmitra Burago, 2019.
- Arhangel's'ka, Alla. „Novotvori-feminitivi v ukraïns'kij movi novoï dobi: neologizmi, okazionalizmi či efemerizmi?”. *Neologični nazvi osib u sučasnih slov'ans'kih movah*. Red. Galyna Vokal'čuk. Rivne–Olomouc', Vydavnyctvo Nacional'nogo universitetu „Ostroz'ka Akademiâ”, 2011, s. 67–122.
- Ažnûk, Bogdan. *Movna politika: Ukraïna i svit*. Kiïv, Vydavnyčij dim Dmitra Burago, 2021.
- Bulahovs'kij, Leonid. „Narisi z zagal'nogo movoznavstva”. *Vibrani pracì: v 5 t. T. 1. Zagal'ne movoznavstvo*. Kiïv, Naukova dumka, 1975, s. 293–296.
- Goroško, Elena. *Ázykove soznanie (associativnaâ paradigma)*. Avtoreferat dissertacii doktora filologičeskikh nauk. Moskva, 2001.
- Holod, Oleksandr. „Gramatika i stat'”. *Zibrani naukovì pracì: u 10 t. T. 1. Psiholingvistika stati*. Krivij Rig, Vydavnyctvo navčal'nogo centru Odes'koï nacional'noï ũridičnoï akademii, 2008a, s. 7–114.
- Holod, Oleksandr. „Movlennëvi kartini svitu čolovikiv i žinok”. *Zibrani naukovì pracì: u 10 t. T. 1. Psiholingvistika stati*. Krivij Rig, Vydavnyctvo navčal'nogo centru Odes'koï nacional'noï ũridičnoï akademii, 2008b s. 115–370.
- Kamčatnov, Aleksandr, Nataliâ Nikolina. *Vvedenie v ázykoznanie*. Moskva, Flinta–Nauka, 2018.
- Karunik, Katerina. *Ūrij Ševel'ov âk doslidnik ukraïns'koï movi*. Avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskikh nauk. Harkiv, 2019.

- Kosmeda, Tetâna. *Aksiologični aspekti pragmalingvistiki: formuvannâ i rozvitok kategorii ocinki*. L'viv, L'vivs'kij nacional'nyj universitet im. İvana Franka, 2000.
- Kosmeda, Tetâna. *Komunikativna kompetenciâ İvana Franka: mižkul'turni, interpersonal'ni, ritorični vimiri*. L'viv, PAİS, 2006.
- Kosmeda, Tetâna. „Patriotizm âk strižen' lingvofilosofii T.İ. Pan'ko (do 85-littâ vid dnâ narodžennâ včenoj)”. *Zbìrnik naukovih prac' na pošanu profesora Tamili Pan'ko*. Red. O.M. Kostiv. L'viv, Rastr-7, 2021, s. 30–46.
- Kosmeda, Tat'âna. „Recepciâ statusa ukraïnskogo âzyka v rossijskom âzykoznanii: mif i real'nost'”. *Slavia Centralis*, 1, 2020, s. 126–135.
- Kosmeda, Tetâna, red. *Genderna lingvistika v Ukraïni: istoriâ, teoretični zasadi, diskursivna praktika*. Harkiv, Harkivs'kij nacional'nyj pedagogičnyj universitet im. G.S. Skovorody – Drogobič, Kolo, 2014.
- Kosmeda, Tetâna, red. *Semantika j pragmatika diskursivnogo slova ta jogo potencial dlâ diagnostiki psihotipu movnoï osobistosti: aspektual'nij opis*. Harkiv, Harkivs'ke istoriko-filologične tovaristvo, 2019.
- Maslova, Ūliâ. „Genderni neologizmi v movi sučasnih drukovanih ukraïns'kih ZMİ”. *Neologični nazvi osib u sučasnih slov'âns'kih movah*. Red. Galyna Vokal'čuk. Rìvne–Olomouc', Vydavnytvo Nacional'nogo universitetu „Ostroz'ka Akademiâ”, 2011, s. 41–66.
- Moskvin, Vasilij. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj reči. Tropy i figury. Obsââ i častnye klassifikacii. Terminologičeskij slovar'*. Moskva, LENAND, 2006.
- Ovsâniko-Kulikovskij, Dmitrij. „Vvedenie v napisannuû knigu po psihologii umstvennogo tvorčestva (naučno-filosofskogo i hudožestvennogo)”. *Literaturno-kritičeskie raboty: v 2 t.* T. 1. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1989, s. 29–64.
- Salionovič, Lûdmila. *Diskurs İvana Franka u vimìrah gendernoï lingvistiki: avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskich nauk*. Harkiv, 2012.
- Šerech, Jurij. „Über die Besonderheiten der Sprache der Frauen”. *Orbis. Bulletin International de Documentation Linguistique*. T. 1. Louvian, Le Centre, 1952, s. 74–81.